

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 2007 г. В. Г. КУЗНЕЦОВ

**Ф. ДЕ СОССЮР И ЖЕНЕВСКАЯ ШКОЛА:
ОТ «ЯЗЫКА» К «РЕЧИ»**

В статье рассматривается влияние учения Ф. де Соссюра на формирование лингвистической концепции представителей Женевской школы, их роль в реконструкции идей своего учителя. Особое внимание уделяется творческому развитию в Женевской школе основных положений теории Соссюра. Подчеркивается, что в отличие от других школ и направлений женевские лингвисты развивали его теорию в целом, рассматривая ее как систему. Функциональный подход к дихотомиям языка и речи, синхронии и диахронии привел к построению лингвистики речи, намеченной, но не осуществленной Соссюром.

2007 год знаменателен двумя юбилейными датами, связанными с именем Ф. де Соссюра: 150-летием со дня его рождения (1857) и 100-летием начала чтения знаменитого курса общей лингвистики (1907).

Из всех школ и направлений, связанных с учением Соссюра, развивавших его идеи, Женевская школа занимает особое место в силу двух обстоятельств. Во-первых, ее основатели Ш. Балли и А. Сеше реконструировали на основе несовершенных студенческих конспектов научную мысль Соссюра и издали в 1916 г. «Курс общей лингвистики»¹, оказавшей большое влияние на развитие современного гуманитарного знания. Во-вторых, представители Женевской школы, в отличие от других школ и направлений, развивали не отдельные стороны учения Соссюра, а его теорию в целом.

Следует воздать должное активной популяризаторской и пропагандистской деятельности Ш. Балли, А. Сеше и С. Карцевского, без которой едва ли учение Соссюра столь быстро было введено в научный оборот и завоевало умы лингвистов. Уместно напомнить, что благодаря Карцевскому отечественные лингвисты, одни из первых в Восточной Европе, познакомились с новаторскими идеями Соссюра.

Наряду с Ш. Балли (1865–1947), А. Сеше (1870–1946) и С. Карцевским (1884–1955) Женевская школа представлена лингвистами последующих поколений – А. Бюрже (1896–1985), А. Фреем (1899–1980), Э. Сольберже (1928–1989), Р. Годелем (1902–1984), Л. Прието (1926–1996), Ф. Каном (р. 1929), Р. Энглером (1930–2004), Р. Амакером (р. 1942)².

Благодаря работам Годеля, Энглера и Амакера, доказавшим отсутствие полной аутентичности идей Соссюра с каноническим текстом, получила развитие соссюроло-

¹ Говоря словами А. Фрея, «последующие поколения всегда будут перед ними в неоплатном долгу за то, что они действительно взяли на себя ответственность воссоздать слово Учителя и за то, как они это сделали» [Фрей 2006: 75].

² Научные биографии лингвистов Женевской школы см. [Кузнецов 2003].

гия. Результатом соссюрологических исследований стало изменение стереотипного понимания основополагающих принципов теории Соссюра, сложившееся на основе канонического текста (подробнее см. [Кузнецов 2006в: 106–117]).

Научно-исторический интерес представляет тот факт, что основатели соссюрологии Балли и Сеше познакомились с идеями Соссюра из личных бесед до того как они были изложены в курсе лекций (1907–1912). Впервые опубликованная в 1995 г. (*Cahiers Ferdinand de Saussure*. 1995. № 48) переписка Балли с Соссюром в период с 1894 по 1912 гг. свидетельствует о том, что их связывали общие научные интересы. Проблематика первой крупной работы Балли «Краткий очерк стилистики» (1905) не была соссюровской. В то же время в ней использовался новый для того времени системный и синхронный подход к изучению стилистических средств. А конечная цель исследования очень напоминает знаменитую заключительную фразу «Курса»: «моя цель разработать рациональную концепцию живого языка, любого, рассматриваемого в самом себе и изучаемого для себя» [Bally 1905: 3]. По словам А. Фрея, Соссюр «сыграл решающую роль в научной ориентации Балли» [Frei 1946–1947: 130].

В еще большей мере Соссюр оказал влияние на А. Сеше. Это проявилось в его первой крупной работе «Программа и методы теоретической лингвистики» (1908), в которой предпринята новаторская для того времени попытка, подобно своему учителю, построить теоретическую лингвистику. В посвящении Сеше подчеркивал, что именно Соссюр пробудил в нем интерес к общим проблемам лингвистики и именно ему он «обязан теми принципами, которые освещали... путь к научным исследованиям» [Сеше 2003а: 34]. При этом Сеше замечает, что хотя впоследствии его мысль стала развиваться в собственном направлении, «на каждой странице этой книги он старался заслужить» одобрение Соссюра. Там же отмечается, что Соссюр прочитал книгу в рукописи и поддержал своего ученика.

Нами уже отмечалось, что эта работа Сеше должна занять достойное место в истории языкознания еще и потому, что в ней не только впервые излагаются, но и развиваются многие положения теории Соссюра, вошедшие в дальнейшем в «Курс общей лингвистики» [Кузнецов 2006а: 117–129]. Закономерно, что Сеше оказался лучше подготовленным, чем Балли, к восприятию и изложению положений Соссюра в посмертно изданной работе.

В истории языкознания дискутировался вопрос о принадлежности С. Карцевского к Пражской или Женевской школе. Его научная и жизненная судьба сложилась своеобразно. Он родился в России, участвовал в революционной деятельности, был арестован, бежал, обосновался в Женеве. В университете он становится ревностным учеником Соссюра, посещает его лекции, получает основательную лингвистическую подготовку под руководством Балли и Сеше. Не случайно Карцевский был первым переводчиком работ Балли на русский язык. Его лингвистическая концепция, проблематика, научно-педагогическая деятельность в течение более четверти века в Женевском университете дают основание считать его представителем Женевской школы. Да и сами пражские лингвисты причисляли Карцевского к Женевской школе [Трика 1965: 162]. В Женевскую школу включил Карцевского и В.А. Звегинцев в «Хрестоматии по истории языкознания». К Женевской школе относил Карцевского В.Г. Гак [Гак 2003: 8]. Направление творческого развития учения Соссюра Карцевским в целом совпадает с другими представителями Женевской школы. Сам Карцевский отмечал в ряде своих работ приверженность Женевской школе. Попутно отметим, что Карцевский успешно занимался не только лингвистикой, но и литературной деятельностью. Он многое сделал для пропаганды русской литературы и культуры за рубежом. По свидетельству Р. Якобсона, С. Карцевский любил говорить: «В моей работе я движим одной любовью, и эта любовь – русский язык».

Из многих школ и направлений, претендовавших на развитие учения Соссюра, женевские лингвисты развивали доктрину своего учителя наиболее последовательно и глубоко. Важно отметить, что они развивали не отдельные положения соссюровской теории, а в их взаимосвязи, как единое целое. Теоретические принципы учения Соссюра

служили методологической базой и собственных научных исследований женеvских языковедов. Научная деятельность Женеvской школы настолько тесно связана с именем Соссюра, что ее нередко называют «соссюровской».

В каноническом тексте «Курса» в качестве основного положения, исходного пункта учения Соссюра принято различение языка и речи. Приоритет этой дихотомии, выступающей в качестве постулата, прочно закрепился в истории языкознания. С него начинается изложение теории Соссюра в теоретических и дидактических работах. По словам Е. Ельмслева, из противопоставления языка и речи выводится «вся остальная теория» [Ельмслев 1965: 111].

Однако позднее представители младшего поколения Женеvской школы, исследователи творчества Соссюра Р. Годель и Р. Амакер, высказали и стремились обосновать отличную точку зрения: за исходный пункт теории Соссюра может быть принято семиологическое понятие знака, его произвольный характер, из которого логическим путем выводятся дихотомии языка и речи, синхронии и диахронии. Это мнение было поддержано другим известным исследователем научного наследия Соссюра итальянским лингвистом Туллио де Мауро, а также французским лингвистом Ж. Муненом (подробнее см. [Кузнецов 2006в: 109]).

В вопросе о том, с чего начинать рассмотрение учения Соссюра, что в нем является главным звеном, постулатом, нет противоречия. Дело в том, что соссюровская теория характеризуется двумя аспектами: семиологическим и лингвистическим. Если начать с первого аспекта, за исходный пункт следует принять концепцию произвольности знака, если со второго – дихотомию языка и речи. Семиологический подход к учению Соссюра, который позволил бы представить его совершенно под другим углом зрения, сделать интересные теоретические обобщения, еще никем не был предпринят и его осуществление, которое можно сравнить с «неевклидовой геометрией», – дело будущего.

Композиция «Курса» обусловлена тем, как сами Балли и Сеше понимали теорию своего учителя, и в этом смысле канонический текст можно рассматривать как своего рода манифест Женеvской школы. В дальнейшем учение Соссюра получило развитие в той последовательности, в какой оно изложено в «Курсе». Дихотомия языка и речи была принята в качестве постулата и в классических школах структурализма. Она послужила основой для разработки фонологической теории Пражской школы, учения глоссематики о языке как форме, понятий варианта и инварианта в различных направлениях структурной лингвистики.

Если бы за основу было принято положение о произвольном характере знака, то можно предположить, что ббльшее развитие получили бы семиологические идеи Соссюра.

Соссюр сосредоточил внимание на разработке лингвистики языка как наиболее перспективной, по его мнению, задаче. Из-за того, что Соссюр начал с лингвистики языка, иногда неправомерно полагают, что он ограничивал объект науки о языке лингвистикой языка. Между тем в «Курсе» есть самостоятельная глава «Лингвистика языка и лингвистика речи», которая свидетельствует о том, что в действительности лингвистика языка является одной из составляющей науки, изучающей обе стороны речевой деятельности. Еще более эксплицитно это выражено в одной из личных заметок Соссюра: «сразу следует уточнить, что мы рассматриваем лингвистику как науку..., которая стремится соединить в одно целое две совершенно разные в своей основе вещи, настаивая при этом на том, что они составляют один предмет».

А. Сеше неоднократно отмечал, что Соссюр имел в виду дополнить лингвистику языка лингвистикой речи, но этот существенный факт нередко не учитывают, когда интерпретируют его доктрину. Он подчеркивал, что недосказанное в теории Соссюра могло быть дополнено в теории речи. Завершенная лингвистическая концепция должна показать, как две формы речевой деятельности взаимно дополняют друг друга и тесно взаимодействуют [Sechehaye 1930: 365].

Лингвистика речи, намеченная Соссюром, была теоретически обоснована и получила развитие в проблематике лингвистов Женеvской школы – «системоцентрическом» и

«текстоцентрическом» подходе к дихотомии языка и речи, развитии принципа произвольности и линейности знака, теории лингвистической стилистики, синтаксисе, учении о транспозиции.

Разграничение языка и речи, синхронии и диахронии является центральным звеном лингвистической концепции Женевской школы. Развивая учение Соссюра о языке и речи, связь языка и речи изучалась с двух сторон: как виртуализация речевых фактов («системоцентрический» подход) и как актуализация виртуальных знаков языка в процессе его функционирования («текстоцентрический» подход).

Механизм цикла «речь → язык» изучал А. Сеше, «язык-продукт → речь» получило развитие в теории актуализации Ш. Балли и С. Карцевского. Такой двусторонний подход к предмету исследования выступает как объединяющее начало в рамках научной школы.

Изучение документов, относящихся к научной биографии Соссюра, позволяет утверждать, что еще в 1881 г. его лекции в Высшей школе практических знаний в Париже были основаны на различении синхронного описания и исторического анализа. Из этого можно сделать важный вывод, что вторая дихотомия была осознана Соссюром гораздо раньше, чем первая – языка и речи.

Рассматривая синхронию и диахронию в связи с разграничением языка и речи, Соссюр подчеркивал, что факты эволюции следует искать в речи. В «Курсе» содержится формулировка, что *«все диахроническое в языке является таковым лишь через речь»*. Именно в речи источник всех изменений; каждое из них, прежде чем войти в общее употребление, начинает применяться некоторым числом говорящих» [Соссюр 1977: 130]. Э. Косериу отмечает, что «у Соссюра встречается целый ряд блестящих догадок относительно языкового изменения: в частности утверждение, что причина изменения связана не с «исторически объективным аспектом» речевой деятельности (языком), а с ее субъективным аспектом (речью)...» [Косериу 1963: 321]. В то же время он высказывает критические замечания в адрес Соссюра: «сколько индивидов должны принять инновацию, чтобы она стала «фактом языка...?» [Там же: 324]. Эти и другие противоречия положений Соссюра преодолены в определенной мере в учении А. Сеше об организованной речи.

Соотношение языка и речи и их взаимосвязь Сеше понимал по-другому, чем Соссюр. «Существенное различие между учением Соссюра и нашей теорией, – писал он, – состоит в том, что в “Курсе общей лингвистики” из указанных противопоставлений не выводится никакого строгого принципа классификации, но скорее привлекается внимание к отношениям взаимозависимости, которые устанавливаются между различными сторонами языкового явления... Для нас, напротив, в самой этой абстракции обнаруживается принцип подчинения и классификации...» [Сеше 2003б: 183].

Учение Сеше о дихотомии языка и речи в связи с разграничением синхронии и диахронии получило развитие в статье «Эволюция органическая³ и эволюция случайная» (1939) и особенно в опубликованной через год статье «Три соссюровские лингвистики». Поскольку введенное Соссюром различие синхронии и диахронии относится не к речи, а к языку, Сеше предложил различать не четыре, а три лингвистические дисциплины: синхроническую, или статическую лингвистику, лингвистику историческую, или эволюционную, между которыми он помещает лингвистику речи.

«Речь, – считал Сеше, – имеет отношение одновременно и к синхронии, и к диахронии, так как речь уже содержит в зародыше все возможные изменения» [Сеше 1965: 62]. Объектом лингвистики речи (лингвистики организованной речи, по терминологии Сеше) «служат явления промежуточные между синхроническим и диахроническим факторами» [Там же]. Предложение Сеше было новым и оригинальным, поскольку позволяло преодолеть такие противоречия в дихотомиях Соссюра, как соотношение статики и динамики, социального и индивидуального, абстрактного и конкретного.

³ «Органический» у Сеше означает «внутриязыковой».

Задачи лингвистики речи вытекают из ее промежуточного положения между статической и диахронической лингвистиками. «Это не что иное, как результат примата того, что связано с людьми и их жизнью, над фактором интеллектуальной и социологической абстракции, представленным и в языке» [Там же: 63]. Сеше предостерегает против смешения лингвистики организованной речи с диахронией. Соотносясь как абстрактное и конкретное, процесс и результат, первая дисциплина занимается изучением механизма и причин языковых изменений. Сеше критикует Соссюра за то, что признавая за организованной речью право на существование, он включал в диахронию то, что принадлежит лингвистике организованной речи, в частности, такие явления, как аналогия, народная этимология и агглютинация. Диахроническая лингвистика только сравнивает два последовательных языковых состояния, чтобы установить происшедшие изменения.

В отличие от Пражской школы и более поздних структуралистов (А. Мартине), Сеше, как и Соссюр, понимал диахронию как изучение изолированных фактов. В то же время у него встречаются формулировки, свидетельствующие о системном подходе к диахроническим явлениям. «Историк языка... должен не только объяснить внешние и внутренние причины рассматриваемого изменения..., но и обязан учитывать влияние этого изменения на другие части системы» [Сеше 1965: 84].

Сеше ставил важный вопрос о равновесии системы в синхронии, о ее реагировании на изменения элементов. Он подходил к этому вопросу диалектически. «Мы делаем эту ось местом борьбы двух антагонистических сил. Одна сила охраняет грамматическую систему и ее традицию, основанную на коллективном соглашении, другая сила вызывает в системе постоянные инновации и адаптации» [Там же: 77]. Такой подход, полагал Сеше, является логическим развитием мыслей Соссюра, преодолением его ортодоксальности.

Вопрос об ограничении изменений функционированием системы привлекал внимание другого представителя Женевской школы – А. Бюрже. «Роль системы в развитии языка является преимущественно негативной и отрицательной. Она открывает пути тем инновациям, которые не вызывают трудностей для взаимопонимания, и препятствует закреплению инноваций, порождающих такие затруднения» [Burger 1955: 32].

При данном подходе женевских лингвистов к речи она выступает как социальный феномен. Принято считать, в соответствии с формулировкой «Курса», что ведущим различительным признаком языка и речи для Соссюра была оппозиция социальное – индивидуальное. Однако рукописные источники свидетельствуют о том, что определения *индивидуальное* и *социальное* «не соотносятся однозначно с речью и языком; это перекрещивающиеся определения ... не учтенные Ш. Балли и А. Сеше при составлении "Курса"» [Энглер 1998: XVI]. Об этом свидетельствует следующая запись Соссюра: «все, что наблюдается во внутренней сфере индивида, всегда социально, потому что туда не проникает ничего, что вначале не было бы освящено узусом всех людей во внешней сфере речи» [Там же: XVII].

Речь, таким образом, у Сеше выступает как функционирование, как «жизнь» языка. Однако она нечто большее, чем просто функционирование языка: речь – это «могучая, творящая и организующая сила». В противоположность своему учителю, Сеше включает в речь элементы как синхронии, так и диахронии.

Наряду с А. Сеше значительный вклад в развитие динамической концепции синхронии внес другой представитель Женевской школы – А. Фрей. Впервые эта проблематика была разработана им в работе «Грамматика ошибок» (1929) [Frei 1929]. Он развивает функциональный подход к языку, считая, что надо изучать живую речь, поскольку то, что сегодня рассматривается как ошибка, завтра может стать нормой, войти в систему языка.

Подобно тому как у Сеше связующим звеном между статической и эволюционной лингвистикой выступает лингвистика организованной речи, Фрей в качестве такого звена берет функциональную лингвистику. Он указывал, что на практике состояние языка является не точкой, а более или менее длительным промежутком времени, в течение которого сумма происходящих изменений минимальна [Frei 1929: 29].

Статическое состояние языка в концепции Женевской школы рассматривается как явление, которому присущи элементы динамики. Ш. Балли, провозглашая приоритет статического изучения языка, на практике отступал от своего заявления, уделяя пристальное внимание динамическим тенденциям в синхронии. С. Карцевский ввел в научный оборот понятие продуктивности морфологических категорий. Р. Амакер разработал понятие «эластичности» языковой системы. Таким образом, в концепции синхронии Женевской школы язык рассматривается как открытая система, т.е. динамическая реальность, характеризующаяся неустойчивостью, асимметрией. Такое описание позволяет вскрыть противоречия системы. В этом отношении Женевская школа сближается с пониманием языка как динамического явления в отечественном языкознании (Е.Д. Поливанов, Л.В. Щерба, Г.О. Винокур, В.В. Виноградов) и с Пражской школой, проводившей различие между продуктивными и непродуктивными явлениями, центром и периферией.

«Текстоцентрический» подход к дихотомии языка и речи привел к разработке теории актуализации виртуальных знаков языка в речи. Эта теория представляет собой функциональный подход к соотношению языка и речи, который следует рассматривать как новаторский. Изучение языка в коммуникации с точки зрения системы и ее реализации представлено в наиболее законченном виде в работах Ш. Балли. Балли исходил из того, что «если язык является сокровищницей знаков и отношений между знаками, поскольку все говорящие индивиды приписывают им одни и те же ценности, речь представляет собой использование этих знаков и этих отношений для выражения индивидуальной мысли: это – язык в действии, «актуализованный» язык» [Bally 1935: 114].

В актуализации у Балли участвуют две наиболее общие категории понятий: категория вещи и категория процесса. Для осуществления актуализации виртуальных понятий существуют актуализаторы. Актуализаторы у Балли не соответствуют служебным словам. Актуализация может быть не только прямо выраженной (эксплицитной), но и подразумеваемой (имплицитной). Помимо ситуации к имплицитным средствам актуализации Балли относил также контекст, жесты и мимику.

Согласно Балли, смысловой субстрат высказывания в отличие от непредикативного сочетания понятий о субстанции и о ее признаке, всегда содержит в явной или скрытой форме два субъектно-предикатных комплекса: субъект и предикат акта коммуникации (модус) и субъект и предикат высказывания (диктум).

Порождение высказывания состоит, по мнению Балли, в актуализации представления мыслящего субъекта (диктума), заключающийся в установлении говорящим своего субъективного (личного) отношения к содержанию представления. Теорию актуализации Балли, справедливо отмечает Ч. Сегре, можно рассматривать как творческое развитие намеченной Соссюром «лингвистики речи» [Segre 1963].

В работах С. Карцевского учение об актуализации занимает более скромное место, чем у Ш. Балли. Тем не менее, подход, развивавшийся Карцевским, к данной проблеме, представляет большой интерес. Так же, как и Балли, Карцевский полагал, что знаки языка имеют потенциальную ценность, актуализации подлежат прежде всего понятия субстанции в силу их абстрактного характера. Понятие процесса актуализируется говорящим с помощью наклонения и времени глагола.

Наибольший интерес представляет учение Карцевского о фразе как актуализованной единице коммуникации. Выделение Карцевским фразы как единицы общения связано с его пониманием структурной организации языка как «семиологического механизма». «Язык, – писал Карцевский, – в “Системе русского глагола” представляет собой семиологическую систему, в которой каждая единица образуется пересечением отношений...» [Karcevsky 1927: 13]. Он выделял в языке четыре семиологических плана: лексикологический, синтаксический (синтагматический), морфологический и фонологический. Внутри каждого плана он устанавливает определенные дифференциации. Используя термин «вхождение» (*emboîtement*) Сеше, Карцевский писал, что лексикологический план «накладывается» на все другие планы языка и все их «вмещает» в себя. Чем выше план, тем отношения между знаками носят более общий характер, другими словами,

языковой знак по-разному представлен в каждом плане. Независимо от того, к какому плану принадлежит знак, он всегда остается двусторонней единицей. В соответствии с развивающимся Карцевским «синтетическим взглядом» на язык фраза рождается в процессе интеграции элементов, возникающих в результате предшествующих дифференциаций на низших уровнях.

Теория актуализации, получившая развитие в Женевской школе, дает возможность подойти к проблеме дихотомии языка и речи с функциональной точки зрения. В концепции женевских лингвистов язык выступает в двух аспектах – социальном и индивидуальном, что связано с самой природой процесса общения, связывающего язык как социальное явление с языковым сознанием носителя этого языка. Из соотношения языка и речи как социального и индивидуального вытекает их соотношение как потенциального, виртуального, и реализованного, актуального. Эти определения идут от соссюрковского понимания языка и речи, в которых объединены психологический и социальный аспекты языка как средства общения.

Получившие развитие в Женевской школе «системоцентрический» и «текстоцентрический» подходы к дихотомии языка и речи, рассмотрение ее в связи с разграничением синхронии и диахронии позволили преодолеть «жесткий» характер дихотомий Соссюра и установить отношения диалектического свойства между статикой и динамикой, социальным и индивидуальным, общим и отдельным.

Женевской школе принадлежат приоритеты в постановке и развитии многих подходов современной лингвистики к изучению дискурса. Р. Гodel установил, что слово *discours* встречается в рукописных источниках «Курса общей лингвистики» Соссюра. Во 2-м курсе лекций *discours* определяется как «речевая цепь» и противопоставляется «внутреннему тезаурусу, памяти» [Godel 1957: 259].

Однако при подготовке «Курса» к изданию Балли и Сеше заменили «*discours*» на «*parole*». Прилагательное *discursif* Соссюр использовал в значениях «синтагматический» (2-й курс) в сочетаниях «дискурсивный порядок» (1-й курс) и «дискурсивные единицы» (2-й курс). Обобщая различные определения речи Соссюром, Гodel возводит их к современному пониманию дискурса [Godel 1957: 154]. Р. Амакер справедливо полагает, что термин «дискурс» должен занять подобающее ему место в соссюрской терминологии [Amacker 1975: 190].

В определении актуализации Балли выходил за рамки дихотомии языка и речи Соссюра, учитывая референциальную функцию языка – его соотнесенность с реальной действительностью. Актуализация состоит в том, чтобы «связать виртуальные понятия с соответствующими им в действительности предметами или процессами» [Балли 1955: 93]. Определение речи, созвучное современному дискурсу, мы находим у Сеше: акт речи «имеет определенное место и время, происходит между собеседниками, обладающими собственной индивидуальностью и при совокупности определенных условий» [Сеше 1965: 68].

Определение речи женевскими лингвистами как социального явления созвучно современному пониманию дискурсивной деятельности. А учет референциальной функции языка, изучение роли субъекта, ситуации и паралингвистических средств в речевой деятельности прочно вошли в проблематику современных дискурсивных исследований. Таким образом, лингвистов Женевской школы можно по праву считать основоположниками изучения дискурса, они подготовили его включение в новую парадигму знания – когнитивно-дискурсивную. А в их работах содержится немало идей, которые могут стимулировать дальнейшие исследования в этой области.

Одним из положений теории Соссюра, вошедшим в проблематику исследований Женевской школы, является принцип произвольности лингвистического знака. Произвольность трактовалась Соссюром прежде всего как немотивированность, т.е. как отсутствие естественной, природой вещей обусловленной связи между означаемым и означающим [Соссюр 1977: 101]. Но примеры, которые приводил Соссюр, и недостаточная четкость формулировок заставляют думать, что произвольность у него лежит и в основе знака в целом, в его соотношении с обозначаемым предметом. В 1939 г. на страницах

журнала *Acta linguistica* началась острая дискуссия, участники которой Э. Пишон, Э. Бенвенист и др. нередко подвергали критике определение Соссюром произвольности. По решению Комитета Женевского лингвистического общества от 7 июня 1941 г. А. Сеше, Ш. Балли и А. Фрей выступили с ответной статьей, представляющей собой своеобразную декларацию Женевской школы, в которой утверждался принцип произвольности лингвистического знака в трактовке Ф. де Соссюра [Sechehaye, Bally, Frei 1941]. Авторы справедливо подчеркнули, что понятие произвольности следует рассматривать не отдельно, а в тесной связи с другими положениями концепции Соссюра.

Несомненно, что Соссюр стремился постичь лингвистический аспект проблемы: абстрагируясь от соотношения языкового знака с обозначаемым им предметом, он сосредоточил внимание на связи между означаемым и означающим, которая обуславливается не только наличием этих двух компонентов, но и тем, что есть в языковой системе вокруг них.

В то же время Ш. Балли и С. Карцевский развивали более систематизированную, чем у Соссюра, концепцию произвольности лингвистического знака с особым упором на функциональный аспект проблемы. Развивая идеи своего учителя, Балли и Карцевский связывали явление мотивированности знака, с одной стороны, с различением языка и речи, а с другой, – с действием синтагматических и парадигматических отношений. Это привело к значительному расширению действия мотивированности.

Балли поставил вопрос о необходимости при освещении проблемы произвольности лингвистического знака учитывать как «вертикальные» отношения между составляющими знака, так и «горизонтальные» отношения, которые предполагают отношения, с одной стороны, между означаемыми, а с другой, – между означающими знаков данной языковой системы. Рассмотрение проблемы произвольности лингвистического знака во внутриязыковом плане явилось существенным дополнением и развитием учения Соссюра об ограничении произвольности.

В представлении С. Карцевского язык – это арена постоянной борьбы двух тенденций: тенденции к произвольности и тенденции к мотивированности знака. Соотношение между этими силами меняется как от одного языка к другому, так и в одной и той же языковой системе. Он установил, что мотивированные знаки, подобно произвольным, обладают системными свойствами. С. Карцевский показал, что языковой знак, будучи произвольным по своей природе, в процессе функционирования языка подвергается воздействию внутрисистемных и экстралингвистических факторов – индивидуальных и социальных, ограничивающих его произвольность. Он поставил вопрос о градации мотивированности.

Мировую известность принесла С. Карцевскому его теория асимметричного дуализма лингвистического знака. При разработке своей теории он опирался на учение Соссюра о подвижном характере отношений между двумя сторонами знака и на развитие Балли принципа ограничения произвольности. Карцевский раскрыл и теоретически обосновал одно из главных отличительных свойств языковых знаков – отсутствие однозначного соответствия между двумя сторонами знака. Он также показал, что асимметрия означающего и означаемого относится к числу фундаментальных свойств языка, присущих ему по самой его природе.

В соответствии с традицией Женевской школы С. Карцевский рассматривал проблему произвольности знака в связи с актом конкретного речевого общения и функционированием языка как системы виртуальных знаков. Асимметричный дуализм проявляется при переходе от виртуального к актуальному, поэтому сфера его действия – дискурс. Карцевский блестяще показал, что актуализация – это не только процесс перехода виртуального в реальное, абстрактного в конкретное, общего в отдельное, но и источник инноваций, в том числе и метафоризации. Учение С. Карцевского об асимметричном дуализме лингвистического знака – яркое подтверждение положения Соссюра о том, что язык – это не номенклатура знаков.

Идея асимметричного дуализма проходит красной нитью через все творчество Карцевского и лежит в основе многих оригинальных научных идей, прежде всего динамики

в статике. Известно, что в «Курсе» Соссюра неизменчивость знака связана со статическим нередко приравненным к синхронному состоянием языка, а изменчивость – с эволюцией языка во времени. Карцевский рассматривал синхронию не как статическое, имманентное состояние, а как динамическое, подвижное. Изменчивость, по Карцевскому, является неотъемлемым свойством языкового знака, независимым от фактора времени. Теория асимметрического дуализма лингвистического знака позволяет дать всестороннюю трактовку формы и содержания на различных языковых уровнях и представляет собой функциональный подход к соотношению формы и содержания в противоположность статическому, характерному для такого направления, как глоссематика. Теория асимметричности двух сторон лингвистического знака находит успешное применение для исследования разных уровней языка.

В отличие от Балли и Карцевского, сосредоточивших преимущественное внимание на аспекте мотивированности и не уделявших специального внимания собственно произвольности, как она была поставлена Соссюром, представители Женевской школы последующих поколений А. Фрей, Р. Годель, Р. Энглер и Р. Амакер разрабатывали именно проблему произвольности и в этом отношении оказались ближе к учению Соссюра, чем его непосредственные ученики. Отличало их и то, что они опирались преимущественно на рукописные материалы «Курса» и на личные заметки Соссюра, что позволило внести ясность во многие положения учения Соссюра о произвольности, устранить несогласованность между ними (подробнее см. [Кузнецов 2005: 24–29]).

Второе свойство лингвистического знака – линейность означающего – занимает в «Курсе общей лингвистики» Соссюра меньше места, чем первый – произвольность, и является менее разработанным. Линейное свойство знака обусловлено тем, что его материальная сторона – означающее – разворачивается и реализуется во времени и, соответственно, характеризуется двумя признаками – пространственным и временным: 1) протяженностью и 2) линейным характером этой протяженности.

Между двумя фундаментальными свойствами языкового знака существует органическая взаимообусловленная связь через посредство явления ограничения произвольности, имеющей место, как было показано выше, прежде всего, в синтагматике.

В отличие от Соссюра, который ограничивал действие принципа линейности означающим языкового знака, Балли распространил это действие и на означаемое. При этом он основывался на принятом им в качестве постулата семантическом изоморфизме плана выражения и плана содержания. В то же время как теория асимметричного дуализма Карцевского включает асимметрию лишь на парадигматической оси, Балли распространил ее на ось синтагматики. Это позволило ему установить и описать разные случаи нарушения линейности (подробнее см. [Кузнецов 2006б: 14–19]). Позднее идеи Балли послужили стимулом для развития компонентного семантического анализа и семантической синтагматики. Преимущественное внимание Женевской школы к принципу линейности означает переориентацию от семиологического подхода, характерного для Соссюра, к лингвистическому.

Линейный характер языкового знака лежит в основе учения Женевской школы о синтагме. Соссюр называл синтагмой «отношения, имеющие протяженность». По определению понятие синтагмы охватывает единицы, которые традиционная грамматика разделяет: с одной стороны, сложные, производные, словоизменительные формы, а с другой, – группы слов. Сам Соссюр приводил примеры тех и других. Говоря о синтагме, Соссюр имел в виду линейный характер языкового процесса и наличие разграничений в речевой цепи.

Синтагма относится как к языку, так и к речи. К синтагмам, принадлежащим языку, Соссюр относил устойчивые соединения, которые воспроизводятся целиком в речи. При этом под синтагмой Соссюр понимал единицы любой протяженности и любого типа. Любое предложение, по его мнению, является синтагмой. Годель обратил внимание на то, что объединяя под одним названием разные образования, Соссюр не учитывал такой немаловажный критерий, как степень связанности и тип связи между элементами разных синтагм. Эти отношения в сложном слове или в сложной глагольной форме от-

личаются от отношений между именем и его определением, подлежащим или дополнением и глаголом и т.д.

Значимость члена синтагмы обусловлена его противопоставлением либо предшествующему, либо последующему элементу, либо тому и другому вместе. Таким образом, процедуры синтагматического анализа состоят, по Соссюру, из приемов членения языковых последовательностей и определения их состава, а также способов установления влияния одной единицы на другую и/или же их взаимодействия. В основе синтагматического членения лежит линейный характер знака. Соссюра интересовал преимущественно грамматический аспект действия принципа линейности.

Этот аспект синтагматических отношений получил преимущественное развитие в концепции синтагмы Ш. Балли и С. Карцевского. В отличие от Соссюра при определении синтагмы они исходили из принципа бинарности.

Основываясь на том, что Соссюр связывал относительную мотивированность с синтагматическими объединениями, Балли полагал, что любой знак, мотивированный своим означаемым, является тем самым синтагмой, в том числе и имплицитной. Карцевский ввел термин «скрытая синтагма», связанный со сдвигом формальных и семантических значений слов и их переносным употреблением.

Лингвисты Женевской школы Фрей, Годель и Сольберже считали синтагму сложным знаком, включающим означаемое и означающее. По мнению Фрея, нет сомнения, что Соссюр считал синтагму знаком [Frei 1962: 128]. Так, в конспектах студентов есть следующая запись: «только часть знаков в языке является полностью производными. Другие знаки дают основание различать степени произвольности». Если стать на точку зрения Соссюра, то синтагмы – это относительно мотивированные знаки.

По Фрею, означаемое и означающее синтагмы являются следствием не комбинации означающих и соответственно означаемых, а знаков. Средством комбинации служат знаки особой природы – абстрактные, несегментные сущности, такие как порядок знаков, просодические средства интонации, акцентуации и др. (катены, по терминологии Фрея).

В Женевской школе был поставлен сложный вопрос о природе синтагмы в аспекте дихотомии языка и речи. Одним из путей решения этого вопроса может быть понятие выбора, о котором писал Соссюр, и которое в дальнейшем было развито А. Мартине. В процессе коммуникации говорящий субъект делает предварительный выбор на уровне парадигматики и окончательный – в синтагматике.

Среди понятий, введенных в научный оборот Соссюром, учение о синтагме получило наиболее благоприятный отклик со стороны лингвистов. В то же время, в отличие от широкого понимания синтагмы в Женевской школе, большее распространение получило определение синтагмы в более узком смысле.

Понятие синтагмы получило развитие как в зарубежной (Н. Трубецкой, Ф. Микуш, А. Мартине, М. Мамудян), так и в отечественной лингвистике (Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, А.А. Реформатский, Н.Ю. Шведова, Г.А. Золотова и др.).

У Соссюра минимальные значимые единицы не имеют собственного названия. Эта лакуна объясняется тем, что Соссюр считал свою теорию синтагмы незавершенной и намеревался продолжить ее разработку. Развивая учение Соссюра о синтагматике, в Женевской школе был создан и введен в научный оборот термин «монема» («знак, означающее которого далее не делимо», по определению Фрея).

У Соссюра нет четкого определения «значения» и его соотношения с понятием «значимости», которому он придавал большое значение. Развивая понимание Балли и Бюрже значения и значимости как виртуального и актуального в ракурсе различения языка и речи, Р. Годель связывал реализацию значения в высказывании с ситуацией общения, отношениями между участниками коммуникативного акта. На близкой позиции стоял Л. Прието.

Фрей и Амакер распространили понятие значимости на синтаксические отношения. Лексические и грамматические значимости Амакер относил к первому типу «абстрактных сущностей», а синтаксические значимости, «служащие для значимых ограничений

совместной встречаемости сегментов», – ко второму типу [Amacker 1974: 42]. С точки зрения конкретной реализации в речи синтаксические значимости находятся на втором уровне абстракции, логически отличающемся от первого, являющемся уровнем сложного знака по отношению к его реализации. Но в действительности оба уровня абстракции сливаются в языковом знаке, поскольку синтаксические значимости возникают только под действием того же ассоциативно-синтагматического механизма, что и лексические и грамматические значимости. Рассмотрение синтаксических отношений как значимости представляет научный интерес и имеет право на существование.

Соссюр колебался относительно статуса предложения как единицы языка или речи. Колебания Соссюра, замечает Амакер, связаны с его определением речи как области реализации звуков и конкретных смыслов, а также как области проявления воли и выбора со стороны индивида. Наиболее четко статус синтагмы и предложения в качестве единиц сформулирован Соссюром во 2-м курсе лекций. «Мы говорим исключительно синтагмами, и вероятный механизм состоит в том, что мы имеем *типы синтагм* в голове, и в момент их использования мы приводим в действие группу ассоциаций». Развивая мысль Соссюра, Амакер считает, что в предложении следует различать то, что принадлежит языку в результате двойной абстракции, а именно общий тип, имеющийся в нашем сознании, и то, что относится к активному, волевому, комбинаторному и, в конечном счете, творческому аспекту реализации в речи сложных знаков, которые также знаки языка, но первого уровня абстракции [Amacker 1975: 145]. Таким образом, в Женевской школе сформулирована двойственная природа лингвистических единиц в рамках свойственной этой школе концепции языка и речи. Следует заметить, что вопрос разграничения и природы единиц языка и речи – один из центральных в теории языка – до настоящего времени продолжает оставаться дискуссионным и, следовательно, актуальным.

При изучении рукописных источников «Курса» обращает на себя внимание то, что Соссюр рассматривал две возможности изучения языка – внутреннюю и внешнюю – как две составные части единой науки – лингвистики. Слово «лингвистика», – писал он, – вызывает прежде всего идею совокупности внутреннего и внешнего исследования [Engler 1967: 59]. Он не отрицал, как иногда полагают, важности и значимости изучения проблематики, относящейся к внешней лингвистике, о чем свидетельствуют его письма к А. Мейе.

В Женевской школе получили развитие идеи Соссюра, относящиеся к двум областям внешних исследований: соотношение языка и мышления и вопросы нормы и языковой политики.

Проблематика связи языка и мышления рассматривалась в Женевской школе, вслед за Соссюром, через призму языка как системы значимостей и социального явления. Соссюр сравнивал язык со стеклами очков, через которые мы созерцаем предметы.

Женевские лингвисты, отмечая важную роль языка в формировании мышления, считали, что язык влияет на мышление в аспекте восприятия действительности. Балли подходил к этому вопросу с типологической точки зрения, опираясь на выделенные им общие характерные черты французского языка. Подход к проблеме соотношения языка и мышления с позиции лингвистической типологии представляет интерес для когнитивной лингвистики и требует дальнейшего изучения. Когнитивный подход к этнолингвистической проблематике развивал Сеше, обративший внимание на то, что мировосприятие обусловлено не только языком, но и концептуализацией как основой нашего сознания.

В отличие от Вайсгербера женевские лингвисты рассматривали связь языка и мышления в аспекте соотношения индивида и общества, основываясь на восходящем к Соссюру понимании языка как социального продукта, правила актуализации которого носят императивный характер.

К проблеме «лингвистической относительности» примыкает вопрос о зависимости становления структурных особенностей отдельных языков от развертывания конкретных форм культуры данного народа.

Критикуя К. Фосслера, Балли и Сеше выступали против упрощенного и чрезмерно прямолинейного толкования связей между явлениями из области культуры и явлениями из области языка: «Еще более сомнительно, что в старофранцузском охотно употребляли дополнение, выраженное одушевленным существительным в дативе, перед дополнением, выраженным неодушевленным существительным в аккузативе... (что немцы охотно делают до сих пор) только потому, что в ту эпоху господствовал культ героев» [Сеше 1965: 80].

Представители Женевской школы явились предтечами постановки многих вопросов современного рассмотрения языка как этнокультурного явления.

В учении Соссюра, не выделявшего норму в качестве самостоятельного лингвистического понятия, содержались, однако, известные предпосылки для рассмотрения языка как традиционной, или нормативной системы. Утверждая произвольность языкового знака по отношению к «изображаемой им идее», Соссюр отнюдь не отрицает его обязательности по отношению к тому коллективу, который пользуется данным языком. Традиционность знака является одним из его существенных признаков: «Именно потому, что знак произволен, он не знает иного закона, кроме закона традиции, и, наоборот, он может быть произвольным только потому, что опирается на традицию» [Соссюр 1977: 107]. Таким образом, можно утверждать, что в социальной обусловленности и традиционности языкового знака коренится и его обязательность, в свою очередь предопределяющая существование нормативного плана языка. Известно, впрочем, что основные положения теории Соссюра лежали в иной плоскости и нормативная сторона осталась в его концепции нераскрытой.

Определяя норму с социологической точки зрения, Балли пришел к выводу, что она в принципе не отличается от других видов социальных норм поведения. В отличие от Пражской школы женевские лингвисты рассматривали литературный язык лишь как стилистическую дифференциацию языка. Для установления критерия нормативности, по их мнению, следует обращаться к устной речи, как наиболее живой и естественной форме существования языка. Склонность Балли недооценивать письменную традицию заслуживает критики.

Фрей развивал функциональный подход к понятию нормы. Понятие нормы он противопоставлял пуристической точке зрения и за основу принимал соответствие языковых средств выполняемой ими функции.

Рассматривая вопрос о языковой политике в связи с полемикой вокруг имплицитно вытекающего из теории Соссюра нигилистического отношения к этой важной проблеме, женевские лингвисты справедливо подчеркивали, что проблема управления развитием языка неразрывно связана с повышением грамотности и общей культуры носителей языка. «Система языка недоступна лингвистически неграмотному индивиду и не осознается им как система, а овладеть ею, – писал Ф. де Соссюр, – можно лишь путем размышления» [Соссюр 1977: 106]. Система языка становится осмысленной с ростом грамотности и образования. «Уже приобщение к письменному языку, – отмечал Ш. Балли, – способствует развитию у читающего и пишущего простейших навыков размышления и анализа» [Bally 1935: 160]. Примечательно, что из двух путей повышения языковой культуры: традиционного – путь пуризма и второго – пути науки, женевские лингвисты считали верным только второй.

С ростом языковой культуры массой говорящих яснее сознается норма и отклонения от нее, люди становятся чуткими к любым языковым изменениям и воспринимают их оценочно, разумно. Благодаря этому создаются хорошие условия и для специального научного регулирования языковой системы.

Итальянский лингвист Ренцо Раджунти справедливо отмечает, что отсутствие в теории Соссюра экспрессивной функции делает ее неполной [Raggiunti 1982]. Различие между Балли и Соссюром в том, если для последнего язык «представляет собой социальный аспект речевой деятельности, внешний по отношению к индивиду, который сам по себе не может ни создавать его, ни изменять» [Соссюр 1977: 521], то для Балли язык, хотя и внешний для индивида, но на который он, тем не менее, воздействует с того мо-

мента, как начинает им пользоваться. Эта сторона языковой коммуникации всецело привлекала внимание Балли. Он стремился показать, что язык не подчиняется всецело логике, к чему, по его мнению, склонялся Соссюр, важную роль в языке играет аффективность говорящих субъектов. В то же время следует заметить, что Соссюр признавал участие психического фактора в речи, хотя и ограничивал его действие [Там же: 51].

Соссюр также писал, что «знак всегда до некоторой степени ускользает от воли как индивидуальной, так и социальной, в чем и проявляется его существеннейшая, но на первый взгляд наименее заметная черта» [Там же: 55], и что «язык есть система знаков, выражающих понятие» [Там же: 54]. Таким образом, Соссюр делал акцент на мышление понятийного типа. Что касается Балли, он различал два типа мышления: интеллектуального, логического порядка и аффективного порядка. Проводя это различие, Балли тем самым отступает от положения своего учителя, постулируя активную роль индивида не только на уровне речи, но и языка. Сеше отмечал, что стилистика – это реагент, который нарушает кажущуюся массивную прочность соссюрковского принципа.

Имя Ш. Балли у многих лингвистов ассоциируется со стилистикой. И это не случайно. Балли вошел в историю языкознания не только как один из издателей «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра, но и как создатель новой лингвистической дисциплины – стилистики. Как свидетельствует набросок выступления Ф. де Соссюра по случаю создания в Женевском университете кафедры стилистики во главе с Ш. Балли, он был не против выделения стилистики в отдельную дисциплину и относил ее к речи. Балли считал, что лингвистика включает две части: одна ближе к языку, пассивному хранилищу, вторая – ближе к речи, активной силе. «Благодаря Балли, – справедливо отметил А. Сеше в статье, посвященной Женевской школе, – стилистика получила статус лингвистической дисциплины» [Sechehaye 1927: 226].

В совместном выступлении на 1-м международном лингвистическом конгрессе в 1928 г. в Гааге Ш. Балли и А. Сеше, отвечая на вопрос «Какие методы наиболее приемлемы для полного и практического описания грамматики какого-либо языка?», выдвинули два условия такого описания: 1) грамматические категории должны извлекаться из самого языкового материала (здесь содержится скрытая полемика с Ф. Брюно, который предлагал другой путь – от содержания к форме) и 2) в равной мере должны учитываться синтагматические ассоциации [Bally 1928]. Справедливости ради следует заметить, что и Балли и, особенно, Сеше отступали от первого условия. В наибольшей степени этим условиям отвечает синтагматический синтаксис Фрея.

Стимулом для разработки синтаксической теории А. Сеше, наиболее полно изложенной в его работе «Очерк логической структуры предложения» (1926), явилась неудовлетворенность состоянием грамматических исследований в первой трети XX в., которые были ограничены морфологией.

К Соссюру восходят синхронный подход к синтаксическим явлениям, различение языка и речи, синтагматических и парадигматических отношений. Таким образом, теория Сеше стала первым опытом синхронного описания синтаксиса на основе соссюрской дихотомии языка и речи, синтагматических и парадигматических отношений в системе языка. Учение Сеше о логико-грамматической структуре предложения привлекает внимание своим функциональным подходом к грамматическим явлениям. Изучая организацию внутренней структуры предложения, Сеше переносит центр тяжести исследования на его коммуникативный аспект. Он не ограничивается чисто формальной стороной проблемы логико-грамматической организации предложения, но и показывает сдвиг между логическими и грамматическими категориями, имеющими место в речи. Это расходится со все еще встречающимся представлением о Сеше как представителе логицизма в грамматике.

Антропоцентризм, содержащийся в учении Балли об аффективности, нашел продолжение в его теории высказывания, основанной на активности мыслящего субъекта. Антропоцентризм не был и не мог быть свойственен учению Соссюра потому, что он сосредоточил свое внимание на изучении языка как абстрактной системе произвольных знаков, обладающих таким реляционным свойством, как значимость. В то же время у

Соссюра, особенно в его рукописных заметках, содержатся мысли об изучении языка в коммуникации и в связи с культурой общества.

Под высказыванием Балли понимал соединение структурно-семантической схемы предложения с его модально-коммуникативным, функциональным аспектом. В теории высказывания Балли можно выделить два аспекта: 1) отношение между модусом и диктумом, 2) отношение между темой и ремой. Центральное место в теории высказывания Балли занимает понятие модуса и диктума – основных частей высказывания. Модус отражает сам акт речи, отношение субъекта к тому, что он сообщает, а диктум представляет то, что сообщается.

Таким образом, учение Балли о модусе и диктуме опровергает утверждение Н. Хомского о том, что лингвистика после В. Гумбольдта ограничивалась анализом поверхностных структур.

Введенные в научный обиход понятия модуса и диктума оказались продуктивными для лингвистических исследований. Понятие модуса нашло применение в трансформационной грамматике для конструирования фразовых показателей глубинных структур, а модуса и диктума вместе – для разграничения предложений с различной модальностью. Эти понятия нашли также применение для анализа наклонений глагола, сложной фразы, синтаксической структуры разговорной речи, функционального изучения диалога.

Учение Балли о высказывании сохраняет актуальность в связи с современными исследованиями коммуникативного аспекта предложения. Ему, наряду с лингвистами Пражской школы, принадлежит приоритет в разработке теории актуального членения предложения. Эта теория получила чрезвычайно активное развитие, особенно в нашей стране.

Синтагматичный синтаксис А. Фрея сформировался под влиянием теории Соссюра, на него оказали определенное влияние дескриптивизм Блумфилда и учение о синтаксических функциях Ельмслева. Но в отличие от Блумфилда и его последователей Фрей развивал функциональный подход к синтаксису.

Фрей ставил перед синтаксисом три задачи: 1) установить, с какими единицами он имеет дело, 2) выяснить, каким образом эти единицы сочетаются между собой, образуя сложные выражения, 3) изучить регулярные отношения, которые могут существовать между различными выражениями и классами выражений.

Соссюровская синтагматика и парадигматика понималась Фреем в более широком плане как тактические (синтаксические) и нетактические отношения. Распространив понятие знака на синтаксические явления, он ввел единицы «дез» и «катен». «Дез» (от греч. «связь») – грамматическая категория, которая указывает на отношения взаимной зависимости, связывающие знаки в качестве определяемых и определяющих. «Катен» – несегментные средства: порядок сегментов, их чередование, просодия.

По мнению Фрея, в интересах развития синтаксической теории оба метода – трансформационный и субституций – могли бы взаимодействовать. Результатом такого взаимодействия должно стать «более глубокое понимание отношений, которые объединяют в систему различные типы синтагм, выделяемых обоими методами» [Frei 1968: 58]. Тем самым речь идет о разработке ассоциативной, или парадигматической грамматики, идеи которой высказывал Соссюр.

Фрей считал, что цель общей лингвистики – установить универсальные черты, присущие языку в широком смысле. Он допускал гипотетически, что сфера тактических отношений представляет собой константные черты, которые он сводил к отношению зависимости. Такой подход можно рассматривать как развитие соссюровской семасиологической метатеории с целью ее приложения для лингвистических систем.

В рамках Женевской школы впервые была разработана теория транспозиции. Основатель этой теории Балли определял функциональную транспозицию как способность языкового знака изменять свое грамматическое значение при сохранении семантического значения путем принятия на себя функции какой-либо лексической категории. Заслуга Балли в том, что он показал связь функциональной транспозиции с функционированием языка, с актуализацией, с синтагматическими отношениями. Транспозиция

позволяет расширить номинативные возможности языка. Явление транспозиции Сеше рассматривал как когнитивный процесс, представленный взаимозависимыми, взаимосвязанными единицами, обладающими статической и динамической модальностью. Этот процесс воплощается в языке посредством классов слов, возможность транспозиции которых обеспечивает гибкость выражения концептов.

Фрей придавал понятию транспозиции более широкий смысл, чем Балли и Сеше, определяя транспозицию как средство, позволяющее сохранить неизменной внешнюю форму знака, несмотря на изменение его функции. Теорию транспозиции Женевской школы следует рассматривать как важную часть ассоциативной, парадигматической грамматики любого языка. Она является соссюровской версией, не формализованной, но не менее плодотворной того, что позднее стали называть трансформационной грамматикой.

Функциональная теория транспозиции Женевской школы во многом предваряет развитие структуральной и трансформационной грамматик во Франции, Швейцарии, в других странах, а также генеративной грамматики в США. Она нашла также применение для исследований словообразования, синтаксической синонимии, семантического синтаксиса, теории тропов и др.

Исследователи научного творчества Ф. де Соссюра Р. Годель и Р. Амакер выделили в его учении две составляющие: семиологическую и лингвистическую. Из лингвистов Женевской школы только Л. Прието сосредоточил внимание на семиологической составляющей и последовательно развивал это направление.

Основные положения теории Прието восходят к учению Соссюра о билатеральности языкового знака и о дихотомии языка и речи. В отличие от Соссюра термины «означаемое» и «означающее» Прието употребляет в широком смысле. Означаемое определяется как класс сообщений, которые можно сделать посредством определенного сигнала, или фонии. Класс, которому принадлежит сигнал семического (коммуникативного) акта, называется означающим. Означающее можно иначе определить как класс сигналов, имеющих одно и то же означаемое.

Подобно Э. Бенвенисту, Прието стремился установить отношения между разными семиологическими системами. Он разработал принципы классификации нелингвистических знаков, установил свойства языковых кодов, отличающие их от неязыковых (семиотическая всеобщность, креативность, бесконечное число сем). Прието исследовал такие семиотические системы, как письменность и искусство.

Прието поставил в теоретическом плане вопрос о «третьем членении», отражающем в плане содержания второе членение, другими словами, речь идет о возможности выделения элементарных единиц плана содержания, подобно элементарным единицам плана выражения (фонемам).

Прието предложил оригинальную трактовку коннотации, понимая это явление в более широком семиологическом плане, чем Ельмслев, и распространив его на неязыковые знаковые системы. В работах Прието получило также развитие уникальное направление исследований, лишь вскользь затронутое Соссюром, – диахроническая семиология.

Прието также разработал «ноологию» – функциональную теорию означаемого. Он определял нозму как наибольшую совокупность релевантных черт, одновременно присутствующих в означаемом. Другими словами, нозмы представляют собой минимальные единицы содержания, которые взаимно заменяются в данном означаемом, подобно тому как фонемы являются минимальными взаимозаменяемыми единицами в данном означающем.

Поскольку основное понятие ноологии Прието – нозмы – это семантические единицы, относительно независимые от плана выражения, следует сделать вывод, что Прието удалось заложить основы функциональной теории содержания, где «функциональный» употребляется в том смысле, которым наделял его А. Мартине, как относящегося к возможному выбору со стороны говорящего субъекта. Ноология содержит подходы к представлению высказывания как процесса семиозиса, которые в дальнейшем получи-

ли развитие в когнитивной семантике. Не случайно А.А. Уфимцева называет Прието, наряду с Бюиссенсом, основоположником знаковой теории дискурса.

Учение Прието об означаемом находится в оппозиции к «жесткому» изоморфизму плана выражения и плана содержания Ельмслева. Он показал, что единицы двух планов не всегда соотносительны.

Семиологическая концепция Прието представляет интерес для когнитивной лингвистики. Он поставил вопрос о рассмотрении языка в тесной связи с другими формами культуры и познавательной деятельностью человека. Современным установкам когнитивной лингвистики соответствует различие в концепции Прието знаний о языке и знаний о мире. Язык является средством означивания знаний о мире. Он развил положение о вариативном способе представления содержания в процессе актуализации посредством конкретных смыслов высказывания, причем средствами не только языковых, но и неязыковых кодов.

А. Сеше писал: «характерной чертой Женевской лингвистической школы является внутренняя связь между двумя внешне противоречивыми тенденциями. Согласно первой тенденции, лингвистика является наукой, основанной на абстрактных принципах, понимание которых требует значительных усилий и специальных знаний, для второй – характерно стремление поставить науку о языке на службу практическим целям, внедрить ее в школьное преподавание языка и в повседневную жизнь, словом, сделать из нее подлинное орудие культуры» [Sechehaye 1927: 239–240].

В лингвистической литературе совершенно недостаточно внимания уделялось постановке и развитию в Женевской школе проблематики языка и общества и особенно вопроса о связи теории языка с общественной языковой практикой. Между тем в теории и практике лингвистических исследований женевские языковеды исходили из общественного характера науки о языке, ее тесной связи с практикой преподавания и важнейшей роли языка как орудия культуры. Уместно напомнить, что сам Соссюр был блестящим педагогом.

В Женевской школе получила развитие проблематика «Язык – человек – общество»: движущие факторы языкового развития, язык и культура, связь теории языка с общественной языковой практикой.

Лингвисты Женевской школы изучали как внутренние, так и внешние факторы языковых изменений. Одной из движущих сил языкового развития Сеше считал противоречие между формой и содержанием, среди причин языковых изменений он выделял антитезу говорящего и слушающего. Карцевский вслед за Соссюром трактовал проблему изменчивости языка как сдвиг отношений между означаемым и означающим. Уделял он внимание и влиянию на развитие языка внешних факторов, социально-политических событий, в частности.

Движущей силой языкового развития Балли считал экспрессивность. В 30-е годы XX в. такой подход был довольно распространенным в языкознании (Л. Шпицер, Р. Мерингер, Э. Лерх). «Тенденция к коммуникации», по мнению Балли, всегда приводит к языковым упрощениям, а тенденция к «экспрессивности» – к языковому разнообразию.

В те же годы актуальной была тема «прогресса в языке» (О. Есперсен). Балли выступал с опровержением тезиса Есперсена о семантической простоте аналитических форм. Расходился он с ним и в вопросе о причинах образования подобных форм.

Балли признавал, что возрастающие потребности общения упрощают, унифицируют язык. Развитие языка он связывал с эволюцией общества, демократизацией общественных отношений, обязательным школьным образованием, научно-техническим прогрессом, широким участием разных слоев общества в социальной жизни.

Проблематика прогресса языка приобретает новое звучание в эпоху глобализации. На повестку дня встают вопросы приспособления языков ко все усложняющимся процессам в экономической, социальной и культурной жизни современного мирового сообщества.

Тесная связь языка и культуры рассматривалась в Женевской школе в аспекте ведущей роли языка в овладении достижениями национальной и мировой культуры, повы-

шения лингвистической грамотности общества в целом. Отмечая тесную связь языка и культуры, женевские лингвисты акцентировали внимание на ведущей роли языка в овладении достижениями национальной и мировой культуры, необходимым условием которого является высокая лингвистическая грамотность. Поскольку сам язык является частью культуры, требуется владение выразительными средствами языка в разных условиях общения. Высокая языковая культура предполагает высокую общую культуру человека, культуру мышления, сознательную любовь к языку.

С. Карцевский, который поддерживал научные связи с русскими языковедами, горячо поддерживал Г.О. Винокура в том, что «общее развитие нашей культуры невозможно без развития культуры лингвистической». Карцевский выступил активным пропагандистом за рубежом реформы правописания 1917 г., вызвавшей критику со стороны консервативно настроенных преподавателей русского языка. На страницах пользовавшегося в то время большим авторитетом журнала «Русская школа за рубежом» Карцевский доказывал с научных позиций правильность и важность этой реформы для приобщения широких народных масс к русской и мировой культуре.

Женевские лингвисты первыми обратили внимание на важность изучения иностранного языка в тесной связи с культурой его носителей. Эти идеи стимулировали развитие новой дисциплины – лингвострановедения. В своем стремлении поставить достижения лингвистической науки на службу практике лингвисты Женевской школы сближаются с лучшими представителями отечественного языкознания, уделявшими много внимания этому вопросу (Д.Н. Кудрявский, Ф.Ф. Фортунатов, И.А. Бодуэн де Куртенэ, А.А. Шахматов, Л.В. Щерба, Е.Д. Поливанов, Г.О. Винокур и др.).

Таким образом, женевских лингвистов объединяет стремление развить основные положения учения Соссюра, результатом которого стало формирование лингвистической концепции, включающей динамический подход к статическому состоянию языка, социальный характер речи, мотивированность знака в речи, распространение принципа линейности на обе стороны знака, асимметрия формы и содержания, общность взглядов на проблематику внешней лингвистики.

Применительно к дихотомиям Соссюра, получившим развитие в Женевской школе, целесообразно использовать термин «диада», поскольку дихотомия предполагает противопоставление, оппозицию, а «диада» – диалектическое соотношение, взаимообусловленность, а не разделение двух сторон одного объекта. Примером может служить дихотомия синхронии и диахронии, дополненная динамическим аспектом синхронии; речи, так же как и языку, присущи социальные черты. Более того, женевские лингвисты показали отсутствие жестких границ не только между двумя сторонами одной дихотомии, но и между смежными дихотомиями.

Еще одну характерную и объединяющую черту, присущую Женевской школе, можно назвать «асимметрией». Собственно говоря, «асимметрия» является следствием замены в методологическом плане дихотомий на диады, обусловленная функциональной направленностью лингвистических исследований. Это привело к еще одному отличию от учения Соссюра, в котором преобладает «симметрия» в силу центрального положения лингвистики языка и неразработанности лингвистики речи. Примерами «асимметрии» служат, в первую очередь, учение Карцевского о противоречивом, подвижном характере отношений между двумя сторонами знака, учение женевских лингвистов о мотивированности, «дистаксия» Балли, теория транспозиции и ноология Прието.

Лингвисты Женевской школы сконцентрировали внимание прежде всего на изучении языка в процессе коммуникации, т.е. на воспроизведении в речи элементов языка, на функционировании языка в обществе. А. Сеше полагал, что разрабатываемая им «лингвистика организованной речи» явилась бы в итоге «дисциплиной, изучающей функционирование языка в условиях жизни человеческого общества» [Сеше 1965: 64]. Ш. Балли писал, что «только наблюдая за функционированием языка можно вырвать у языка его секреты» [Bally 1935: 210]. В качестве одной из проблем будущего Балли называет экспериментальное изучение функционирования языка [Там же: 32]. «Для того, чтобы понять, как действительно функционирует язык, – считал А. Фрей, – необходимо строить

лингвистику как науку, объясняющую это функционирование». Такая объясняющая функциональная лингвистика, подчеркивает Фрей, будет рассматривать речевую деятельность «в качестве системы приемов, организованной для потребностей, которые она должна удовлетворять» [Frei 1929: 39].

Но если «функционирование языка», как отмечает Э. Косериу [Косериу 1963: 190–191], – это, собственно говоря, речь, то нет ничего удивительного в том, что жене́вцы сосредоточили внимание на развитии именно «лингвистики речи». Жене́вских языковедов объединяет направленность исследований в область «лингвистики речи».

П. Гиро отмечал, что у жене́вских учеников и последователей Соссюра понятие системы сочетается с идеей функции, выступающей на первый план в их исследованиях. Характерная особенность жене́вских ученых – интерес к функционированию языка – послужила для Р.А. Будагова основанием причислить их к сторонникам функциональной лингвистики [Будагов 1954: 29]. Функциональный подход к языку является принципиально важным для характеристики лингвистической концепции Жене́вской школы.

Функционализм этой школы представляет интерес своим стремлением выявить функционирование языковых форм, их вариативность, асимметрию формы и содержания, различие ядерных и периферийных явлений, взаимодействие разных уровней языка. Его отличительная особенность в том, что он характеризуется двухсторонней направленностью: распространяется на исследование как проблем внутренней, так и внешней лингвистики. В этом отличие Жене́вской школы от глоссематики, в которой понятие функции ограничено реляционными свойствами языковых единиц.

Особенность функционализма Жене́вской школы, отличающая ее от других направлений, – присутствие человеческого фактора, субъекта, то, что Э. Бенвенист называл «человек в языке». Эту особенность функционализма жене́вских лингвистов можно рассматривать как преодоление «абстрактного объективизма» (по определению Бахтина и Волошинова) теории их учителя Ф. де Соссюра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балли 1955 – Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Пер. с франц. М., 1955.
- Будагов 1954 – Р.А. Будагов. Из истории языкознания (Соссюр и соссюрианство). М., 1954.
- Гак 2003 – В.Г. Гак. О книге Шарля Балли «Язык и жизнь» // Ш. Балли. Язык и жизнь. М., 2003.
- Ельмслев 1965 – Л. Ельмслев. Язык и речь // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1965.
- Косериу 1963 – Э. Косериу. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963.
- Кузнецов 2003 – В.Г. Кузнецов. Жене́вская лингвистическая школа: от Соссюра к функционализму. М., 2003.
- Кузнецов 2005 – В.Г. Кузнецов. Развитие принципа произвольности языкового знака Ф. де Соссюра в Жене́вской школе // ИАН СЛЯ. 2005. № 6.
- Кузнецов 2006а – В.Г. Кузнецов. Ф. де Соссюр и А. Сеше. Место работы А. Сеше «Программа и методы теоретической лингвистики» в истории языкознания // ВЯ. 2006. № 3.
- Кузнецов 2006б – В.Г. Кузнецов. Развитие принципа линейности языкового знака Ф. де Соссюра в Жене́вской лингвистической школе // ИАН СЛЯ. 2006. № 3.
- Кузнецов 2006в – В.Г. Кузнецов. Учение Ф. де Соссюра в свете соссюрологии // ВЯ. 2006. № 5.
- Сеше 1965 – А. Сеше. Три соссюровские лингвистики // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1965.
- Сеше 2003а – А. Сеше. Программа и методы теоретической лингвистики. Психология языка. Пер. с франц. М., 2003.
- Сеше 2003б – А. Сеше. Очерк логической структуры предложения. Пер. с франц. М., 2003.
- Соссюр 1977 – Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики // Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977.
- Трнка 1965 – Б. Трнка и др. К дискуссии по вопросам структурализма // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1965.
- Фрей 2006 – А. Фрей. Соссюр против Соссюра? Статьи разных лет. Пер. с франц. М., 2006.

- Энглер 1998 – Р. Энглер. Идеальная форма лингвистики Соссюра // Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1998.
- Amacker 1974 – A. Amacker. Sur la notion de «valeur» // Studi saussuriani per R. Godel. Bologna, 1974.
- Amacker 1975 – A. Amacker. Linguistique saussurienne. Genève, 1975.
- Bally 1905 – Ch. Bally. Précis de stylistique. Genève, 1905.
- Bally 1928 – Ch. Bally, A. Sechehaye. Quelles sont les méthodes les mieux appropriées à un exposé complet et pratique de la grammaire d'une langue quelconque? // Actes du I-er Congrès international de linguistes à la Haye. Leiden, 1928.
- Bally 1935 – Ch. Bally. Le langage et la vie. Zürich, 1935.
- Burger 1955 – A. Burger. Phonématique et diachronie à propos de la palatalisation des consonnes romanes // CFS. 1955. № 13.
- Frei 1929 – H. Frei. La grammaire des fautes. Paris, 1929.
- Frei 1946–1947 – H. Frei. In memoriam Charles Bally // Lingua. 1946–1947. V. 1. № 1.
- Frei 1962 – H. Frei. L'unité linguistique complexe // Lingua. 1962. V. 2.
- Frei 1968 – H. Frei. Syntaxe et méthode en linguistique synchronique // Enzyklopädie der geisteswissenschaftlichen Arbeitsmethoden. IV. München, 1968.
- Engler 1967 – R. Engler. F. de Saussure. Cours de linguistique générale. Édition critique par R. Engler. Fasc. I. Wiesbaden, 1967.
- Godel 1957 – R. Godel. Les sources manuscrites du Cours de linguistique générale de F. de Saussure. Genève; Paris, 1957.
- Karcevsky 1927 – S. Karcevsky. Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique. Prague, 1927.
- Raggiunti 1982 – R. Raggiunti. Problemi filosofici nelle teorie linguistiche di Ferdinand de Saussure. Roma, 1982.
- Sechehaye 1927 – A. Sechehaye. L'école genevoise de linguistique générale // IF. 1927. V. XLIV. № 44.
- Sechehaye 1930 – A. Sechehaye. Les mirages linguistiques // Journal de psychologie normale et pathologique. 1930. XXVII.
- Sechehaye 1939 – A. Sechehaye. Evolution organique et évolution contingentielle // Mélanges de linguistique offerts à Ch. Bally. Genève, 1939.
- Sechehaye, Bally, Frei 1941 – A. Sechehaye, Ch. Bally, H. Frei. Pour l'arbitraire du signe // AL. 1940–1941. V. 3. II.
- Segre 1963 – C. Segre. Nota introduttiva // Ch. Bally. Linguistica generale e linguistica francese. Milano, 1963.